

[Л.1]

Стенограмма беседы с депутатом городского совета тов. Барвинским Александром Александровичем

Беседу проводил старший научный рабочий Комиссии по истории Отечественной войны в Украине при АН УССР т. Марковский М.Ю.

Стенографировала Вилькова Ж.Б.

г. Львов, 31 мая 1946

Родился в 1890 году в г. Львове. Отец был учителем в учительской семинарии. Мать также была учительницей, но потом не работала, потому что было много детей.

Я закончил все школы, закончил гимназию и в 1908 году поступил в университет. В 1911 году отбыл военную службу в Брегенце над Боденским озером. Вернувшись с военной службы, я закончил медицинский институт и получил диплом доктора медицинских наук в 1914 году 21 июля. Все время работал как врач.

В 1914 году ушел на войну. С 1918 года начал работать во Львове как врач, преимущественно работал 10 лет как педиатр. После этого начал работать как терапевт, потому что мои пациенты подрастали и так ко мне привыкли, что приходили все время.

При советской власти с 1939 года работал заведующим терапевтическим отделом 3-й советской больницы для ответственных работников и одновременно работал в горздравотделе школьным сан. инспектором. Я потом работал врачом.

В 1941 году с началом войны, когда была объявлена мобилизация, я также был мобилизован.

23-го июня убежала директор больницы Жукова Анна Соломоновна. Меня назначили с 23-го июня директором этой больницы. В этой больнице в то время было 16 ответственных работников, которых я обязан был эвакуировать [Л.2] из Львова на восток, чтобы они не попали в руки немцам. Есть свидетель этого, тов. Климов Глеб Васильевич (горком партии). Он лежал очень тяжело больным, но мы эвакуировали его.

Когда началась война, я домой не ходил, а все время был в больнице.

С приходом немцев я еще оставался в этой больнице, но все больные были отправлены из нее своевременно. В больнице оставалась только мать тов. Тугая после тяжелой операции. Но я отправил ее в другую больницу, а потом домой. Сейчас она живет у своего сына, который работает председателем Красноармейского райисполкома.

Я не мог эвакуироваться, так как получил задание всех своевременно эвакуировать из больницы. Также, когда раньше положенного уехали

ответственные работники, то их вернули обратно. А если их вернули, то куда же буду ехать я.

Во время боя было много раненых и нельзя было рассчитывать на то, чтобы в больнице были только ответственные работники и их семьи. Надо было принимать всех: раненых красноармейцев и много гражданского населения.

Когда пришли немцы, я должен был сидеть там. Сначала пришла военная власть немецкая, которая мне сразу же не позволила работать как терапевту, а назначили на административную работу. Меня послали в горздрав, где я и остался работать до прихода Красной армии.

Немцы хотели меня вывезти, когда убегали. 4-е раза мне грозила опасность, что меня вывезут. Первый раз 27 марта, когда я получил эвакуационную [Л.3] карточку. Второй раз мне сказали садиться на скорую помощь и ехать, так же было и в третий раз, а в четвертый раз я получил все бумажки и ко мне прислали гестаповца в гражданской одежде, который вручил мне билет на выезд. Я должен был ехать, вроде как перевозить из туббольницы больных немцев в Самбор. Из Самбора должен был ехать с этими людьми в роли сопровождающего. Но мне удалось убежать по ул. Театральной, где есть проход на Рынок. Затем были такие бои во Львове, что немцам было не до меня, чтобы меня разыскивать.

С 27 июля 1944 я объявился в отделе здравоохранения и меня оставили на моей старой работе как заместителя заведующего горздрави и заведующим терапевтического отдела 3 Советской больницы, которая до 15 сентября 1944 была больницей для ответственных работников. А с 15 сентября меня перевели в 1-ю Областную больницу, где работаю и сейчас.

Сессия горсовета назначила меня председателем постоянно действующей комиссии здравоохранения горсовета, и я тогда не мог уже заниматься другой работой и не мог контролировать себя.

Я был принужден немцами сидеть в этой больнице и не выходил из нее с 21-го июня. Немцы мне не разрешили работать как терапевту, значит они мне не доверяли. После двух недель меня перевели в горздравотдел, который находился в Ратуше и в то время был под военным управлением, тогда все учреждения здравоохранения были подчинены штабартцу Зельцера.

С приходом гражданской власти, которую представлял собой штатсгавптман Куят, и с этих пор я был подчинен уже гражданским властям горздрави, а заведующим горздравотдела был врач немец доктор Викгерс Карло. Он был руководителем, которому подчинялся и я. [Л.4] А доктор Викгерс подчинялся врачу Добгайде, который был врачом на весь дистрикт.

Впервые немцы начали переорганизацию системы здравоохранения с социалистической на капиталистическую. Во всех больницах, где со времен советской власти больных принимали бесплатно, начали брать деньги. В поликлиниках от больных, которые там лежали, начали брать деньги, а потом началась постепенная ликвидация поликлиник. При советской власти было во Львове 12 поликлиник, остались только стоматологическая и 1-я поликлиника,

которая была переименована в Общественную Обеспечальню (Sozialversicherungskasse).

Основное, что организовали, дополнительную больницу по ул. Дверницкий 54 для венерических больных женщин, которая и сейчас осталась также венерической больницей для женщин. Списки этих женщин я оставил и передал их в НКГБ. Это явление было целиком связано с тем, что с приходом немцев распространилась проституция, и поэтому была необходимость организовать такие больницы. Раньше там была кардиологическая больница (для сердечно больных).

Немцы приступили планомерно и последовательно к ликвидации таких учреждений, которые могли служить для увеличения украинского населения. Так, роддом, который находился по ул. Сенаторской 3, где лежали украинки и польки, отсюда их выселили и переделали больницу как семейный роддом для немцев. Отдельных роддомов для украинского населения не было.

После этого немцы приступили к ликвидации детских учреждений, уничтожала немка фрау Килиян, которая работала в организации N.S. Volkwohlfahrt. Она разъезжала по всему Львову и, когда ей встречалось детское учреждение, она должна была на второй же день ликвидировать его. Таким образом, не [Л.5] осталось ни одного детского учреждения. Чтобы спасти детей мне удалось уговорить немца и тот разрешил организовать амбулаторию. Так что там, где мы лечили детей (молочных кухонь для детей не было, как раньше), дети тут же получали молоко. Таким образом мы всяко выкручивались для того, чтобы спасти хоть чем-то этих детей. Также мы создали по ул. Хорущины №22 (сейчас там детская консультация и поликлиника) по своей инициативе амбулаторию. Медицинского инвентаря было очень мало. Немцы забирали все только в немецкие учреждения.

После ликвидации II-й поликлиники немцы устроили детскую консультацию и поликлинику исключительно для немецких детей, куда были перевезены вся мебель, вообще все лучшие вещи, которые нравились немцам.

Относительно еврейского населения: то ввиду того, что евреям не разрешали ходить (еще когда существовали поликлиники) в поликлиники, куда ходили все остальные, мне также удалось уговорить Куяту, чтобы отдать еврейскому населению две поликлиники. Поликлинику по ул. Полтвяна 39 и по ул. Замарстыновской 112 были отданы еврейскому населению. Кроме этого, еще была создана детская поликлиника по ул. Бернштейна (против Облздравотдела) и эту поликлинику также отдали для еврейского населения, а также еще одну детскую маленькую поликлинику, которая прилегала к II-й советской больнице. Кроме этого, была организована еврейская больница сначала в школе им. Чацкого, а затем организована в гимназии по ул. Кушевича №3. Позже была организована инфекционная больница по ул. Замарстыновской 132, где раньше была школа, напротив было 2 дома, предназначенные также для инфекционной

больницы для еврейского населения, и там было создано гетто. [Л.6] Постепенно все эти поликлиники были ликвидированы.

К концу 1942 года оказались ликвидированы все поликлиники, евреев убивали, а их вещи были все взяты немцами. Многие доктора евреи бежали: Пеннер, доктор Мерер, уролог, бежал в Варшаву, и многие другие. Доктор Граф – уролог, скрывался во II-й больнице на чердаке, и в самом конце, когда немцы должны были бежать, нашелся какой-то преступник, который выдал его немцам. Тогда начали таскать директора Поповича, который об этом знал. Но он был болен, после операции рака, он умер. Я тоже об этом знал. Начали таскать меня. Приходили гестаповцы, но это делалось как раз тогда, когда немцы бежали и у них не хватало времени этим заниматься. Графа немцы убили.

Мне удалось задержать врача эпидемиолога Дамма. Он имел все специальные права, но потом его вывезли и убили в лагере. Дамм был специалистом, который 30 лет работал по Польше. Перед этим его повезли в Жовкву, откуда я его забрал, сказав, что второго такого специалиста нет, но через некоторое время его все равно забрали.

Здесь был доктор Флек – великий бактериолог, ему дали также все права и он проводил большую работу, и занимался прививками против сыпного тифа, которую он производил из мочи. Его увезли в Германию как специалиста, и что с ним произошло – не знаю.

Под конец хозяйствования немцев в лагере для евреев по ул. Яновской 132 был барак и в этом бараке в советское время половина дома была отделена для инфекционных больных, а вторая половина для туберкулезных хроников, которых оттуда выбросили. В это время была страшная эпидемия сыпного тифа, которая началась с ноября 1942 года. Тогда в этом бараке разместили больных сыпным тифом. Также на Замарстыновской ул. была [Л.7] инфекционная больница.

После уничтожения всех евреев из этого барака сделали больницу для инфекционных больных для лагеря.

Относительно польского населения я могу сказать, что и украинцы, и поляки в здравоохранении пользовались одинаковыми правами. Учитывая то, что были ликвидированы все поликлиники, все-таки удалось как-то задержать некоторые из них. Но с начала 1943, когда поликлиники были ликвидированы, люди обращались к частным врачам. Дольше держалась поликлиника по Жовковской ул. №114. Когда ликвидировали детдом по ул. Гвардейская 30, тогда не было другого выхода, так как надо было детей куда-то перевести, эту поликлинику ликвидировали и сделали дом для детей. Один дом был для старших детей, а второй для младенцев. Все специальные приспособления для детей были уничтожены, выброшены, и были созданы магазины для гестаповцев. По больницам относительно питания было очень трудно: ничего не давали – для смерти много, а для жизни мало. Если человек болел, он уже никогда не выздоравливал.

Немцы организовали больницу специально для немцев по ул. 22 ноября, а в советское время здесь была больница для чистых абортёв.

С 20-го по 26 номер домов по ул. Листопада были взяты для больницы исключительно для немцев (сейчас в этом доме военный госпиталь).

Еврейского населения во Львове было более 30 000, украинцев было очень мало, не более 30 000, а, скажем, поляков – 350 000. Когда немцы пришли во Львов, то большинство украинцев думали, что с ними будут обходиться хорошо, как, скажем, в Варшаве [Л.8] или в Кракове. Поляки, как очень богатый народ, они также имели своих графов и господ, думали взять немцев в свои руки, так что немцы делали все по их желанию. И поляки, как прекрасные дипломаты, смогли все взять в свои руки. Был даже польский комитет опеки (П.К.О.). Во главе этого комитета стоял поляк доктор Нойгов. Были вспомогательные учреждения для всех национальностей: польской, украинской и еврейской. В еврейском комитете доктор Иоффе занимался жилыми делами, но он все делал в свою пользу и получал большие деньги.

Состояние здоровья в городе: с октября 1941 года началась страшная эпидемия сыпного тифа. Эта эпидемия возникла потому, что немцы начали отпускать пленных домой. Мне кажется, что это было сделано умышленно. Вход во Львов был закрыт после того, как во Львове началась эпидемия. Пленные с сыпным тифом размещались в селах, таким образом разнося его. По селам сыпным тифом болели все поголовно.

Население Львова не спасали, у немцев было все только для немецкого населения. Хочу также сказать относительно эпидемии: если бы не тот факт, что действительно здесь была одна дезинфекционная станция, через которую могли пройти за день 100 человек, вторая была по ул. Золотой, которая могла пропустить 70 чел., третья по ул. Бальоновий, которая была простая купальня, маленький пропускник, который в день мог пропустить 60 чел., эпидемия распространялась бы и дальше. Штадтгавптман дал согласие и по ул. Госпитальной №11 были поставлены 3 камеры паровые и 4 на сухой воздух. Они пропускали всех людей, которых мобилизовали в Германию. Это было единственное спасение, что могло бы остановить эту эпидемию. Люди также болели брюшным тифом. Многие заболели также дизентерией, но главное – это был сыпняк.

[Л.9] Относительно детских заболеваний: дети здесь вымирали.

В Германию вывозили поляков и украинцев. Доктор Собчу, который сейчас работает в мединституте как преподаватель, его мобилизовали в дивизию, но я писал, что такого специалиста я не могу отдать, что нет подобного специалиста. Случаев добровольно выехать в Германию было очень мало.

Случаи ареста врачей были, но немцы к врачам-специалистам относились не с уважением, если это был не немец, а как необходимым человеком, и если они арестовывали врачей, то их быстро выпускали.

Хочу рассказать, как немцы планировали свой побег. По эвакуации шефом был доктор Ульрих, который был сначала директором полиции во Львове, откуда его потом забрали. Его отец был во Львове, еще в австрийские времена также чиновником полиции, а затем его сделали руководителем по эвакуации. Этот Ульрих выдавал такие приказы: для 100 эшелонов по 3000 населения надо организовать по два врача, по две медсестры и одну акушерку на каждый вагон. По городу были расклеены приказы, что женщины с детьми должны оставить Львов. Но они приготавливали вывозить из города всех. Правдивых беглецов было 20%, а все остальное население вывозили принудительно. Этот доктор Ульрих все время спрашивал у меня, готовы ли уже списки на 100 эшелонов медицинских работников.

Во Львове был ликвидирован Мединститут, а были созданы медицинские профессиональные курсы. Я рассказывал тов. Багно – майору НКГБ, о смерти профессора Марияна Ивановича Панчишина. Панчишин никогда не обращал на себя внимания, потом он заболел. Но он был уверен, что будет учить молодые кадры врачей во Львове. Ликвидация медицинского института его так потрясла, что он не [Л.10] мог ни на что смотреть и не мог ничего делать. Это был моральный удар, так как для Панчишина Медицинский институт был его ребенком. Затем пошли слухи, будто Панчишину надо умереть. Он ходил под охраной своих студентов (так как поляки убивали украинцев, а украинцы – поляков).

Профессор Груц убежал при помощи немцев в Краков, он боялся, что его убьют.

Психоневрологические больницы за время немцев были. Но в этих больницах немцы заморили всех голодом и здесь почти все погибли. В этой больнице был врач доктор Вацик, который мне говорил, что случаев отравления людей не было, также не делали каких-то опытов здесь немцы, просто морили людей голодом, которых там было тысячи, это был целый городок в парке культуры.

Дом инвалидов был по ул. Клепаривской – там были польские военные инвалиды, а потом немцы сделали там казармы, а их отпустили. По ул. Потоцкого №70 был дом для мужчин-стариков, а дом для женщин старых был на Зборовских.

Поляки ко мне относились хорошо, хотя и знали, что я был депутатом и агитатором, и активным человеком, но они все молчали. Было много случаев, когда поляки выдавали людей. Я к ним относился также хорошо.

Во Львове было два польских правительства: лондонский и львовский. Все люди были ориентированы на Лондон.

В целом население было до того перепуганное, что они все как замерли. Только был Украинский Комитет, где были люди, которые думали о своих карманах, зарботке. Они жили с населения и это была какая-то продажная компания, все делала за деньги. Доверием в украинском кругах этот комитет не

пользовался. Их основной задачей было то, чтобы они помогали всему населению, [Л.11] а они использовали свои функции для своих целей.

Немецкие научные заседания были. Был доклад об эпидемии всяких типов. Но на это заседание были приглашены только немцы, а украинцев и поляков, кто даже больше вел борьбу с эпидемией, на это заседание не пригласили.

Однажды я получил приказ от доктора Вигерса: упаковать все инструменты по больницам, он приедет и их вывезет. По телефону я даю распоряжение, чтобы было все составлено, но потом сам поехал по всем директорам, чтобы они не вывозили ничего. Директор Микитюк стоматологической поликлиники получил прекрасный рентген-аппарат и его надо также было упаковать. Приехал доктор Вигерс и спрашивал, вывезли ли рентген-аппарат. Мы сказали, что вывезли. Таким образом, совершенно новый рентген-аппарат остался у нас. Инструменты, которые остались, то только благодаря тому, что директоров всех поликлиник удалось уговорить не вывозить эти инструменты. Некоторое время мы жили медикаментами, потом получили их с востока. Мельничук, который был заведующим аптеки, которая обслуживала все городские аптеки, по моему распоряжению он покупал все медикаменты, он так и сделал и скрыл очень много их. Так что некоторыми из этих медикаментов мы живем пока и сейчас.

Могу только сказать, что сотрудничать с людьми можно было, хоть они могли меня и выдать, но у нас была ориентация антинемецкая. Во Львове, можно сказать, было много людей среди врачей, с которыми можно было действительно работать, несмотря на немецкий террор.

(А.А. Барвинский)